Иван
Снегирев

РУССКИЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ И СУЕВЕРНЫЕ ОБРЯДЫ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 39
ББК 63.5
С 53

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрация на обложке Марии Волохонской

Снегирев И.

С 53 Русские простонародные праздники и суеверные обряды / Иван Снегирев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 512 с.

ISBN 978-5-389-31758-1

Осенины, Ивана Купала, русалии, Власьев день, вьюнишник... Народный календарь наших предков был богат не только на праздники, но и на различные ритуальные дни. Каждый из таких дней имел четкое предназначение: поминовение мертвых, умилостивление сил природы, благодарение за урожай. Для человека из прошлого природа была источником силы, опасности и красоты, и это нашло отражение в обрядах, обычаях, суевериях и поговорках.

Иван Михайлович Снегирев — один из первых последовательных собирателей и систематизаторов народной культуры, за свой главный труд «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» он получил премию Академии наук и бриллиантовый перстень лично от императора Николая I. Снегирев использовал материалы самого разного характера: исторические документы, антропологические опросники, фольклор. Благодаря такому подходу «Русские простонародные праздники и суеверные обряды»» стали фундаментальной, этапной работой в фольклористике и не устарели до сих пор.

УДК 39
ББК 63.5

© А. С. Пахомова, статья, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31758-1

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
господину министру народного просвещения,
Государственного совета члену
и разных орденов кавалеру
СЕРГЕЮ СЕМЕНОВИЧУ УВАРОВУ
с достодолжным высокопочтением
посвящает сии воспоминания
отечественной народности

Сочинитель

Предисловие

Русские праздники простонародные и соединенные с ними древние поверья, составляя заветные стихии народности, входят во внутреннюю историю русского народа и его древности. О важности и необходимости исследования сего предмета говорили Шлёцер, Карамзин и митрополит киевский Евгений. Представлено было несколько опытов, достойных внимания, господами Глаголевым, Макаровым и И. Сахаровым. Почтенный сочинитель книги «О великих Господских и Богородичных праздниках» (Киев, 1835) при некоторых из них приводит народные обычаи. После этого наконец и я отваживаюсь представить свой опыт русской эортологии, в коем излагается общий и частный обзор простонародных праздников с обрядами и относящимися к ним песнями. Сколько можно, мною обращено внимание на время и место, где и когда возникали и продолжаются сии праздники. Самое происхождение, содержание и цель оных решительно отделяют их от церковных святых празднеств.

Я не ограничивался известными и доступными мне источниками письменными[1]. Как старинные обычаи живут более в народе, чем в книгах, то я собирал местные об этом сведения и живые предания посредством переписки или путешест-

[1] Жалею, что я не мог пользоваться «Ключом...» к Карамзину, составленным П. М. Строевым, изданиями Археографической экспедиции, новыми сочинениями о мифологии и древностях Гримма, Шеллинга и Шаффарика.

вий по России. Не могу умолчать искренней моей благодарности тем почтенным особам, кои содействовали мне в труде моем советами, указаниями и доставлением материалов: г-дам профессорам Ф. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, Ф. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, магистру М. С. Гастеву и достойнейшим сочленам по Обществу истории и древностей российских А. Ф. Вельшману, Н. А. Полевому и князю М. А. Оболенскому. Г-да директоры гимназий: Костромской — Ю. И. Бартенев и Тверской — И. И. Лажечников радушно сообщали мне сведения, собранные ими по учебному округу через г-д смотрителей и учителей. Профессор И. Н. Лобойко в Вильне, для меня отобрав от своих студентов, уроженцев из малой, белой, красной и черной Руси, записки о местных обычаях и поверьях, обогатил мое собрание. Почтенный сочлен по Обществу истории и древностей российских, наш ревностный взыскатель отечественной старины М. Я. Диев дополнял мои исследования своими наблюдениями в Костромской, Ярославской и частью во Владимирской губернии. Касательно славянских древностей я пользовался советами и материалами г-д Ю. И. Венелина и И. М. Бодянского; а в литовских и польских руководителями моими были г-да В. Г. Анастасевич и И. Н. Лобойко. Сам, постигая всю важность и обширность избранного мною предмета, объемлющего внутреннюю жизнь русского народа в разных ее эпохах, нахожу, что он требует больших и разнообразнейших познаний и средств, постояннейших наблюдений и исследований, нежели какие я имел. Чем далее идти по этому поприщу, чем глубже вникать в этот предмет, по-видимому столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонний, тем более откроется новых сведений и соображений, важных для истории, филологии и философии. Как во время печатания книги попадались мне неизвестные материалы, то в некоторых местах были неизбежными повторения и отступления, в чем я прошу извинения у строгих требователей порядка.

Кажется, мой опыт уже сделается не лишним, если послужит материалом для будущих изыскателей русской древности в живых ее источниках, кои время от времени иссякают в народе; а труд мой будет награжден, если вызовет новых исследователей[1] и если заслужит внимание благонамеренных соотечественников и тем самым поощрит меня к продолжению сего издания, в коем поместится самое описание простонародных праздников в древние и новые времена.

И. Снегирев
3 февраля 1837 г.

---

[1] Я готов с благодарностию помещать в следующих книжках дельные замечания благонамеренных наблюдателей, для того чтобы в одном сочинении соединялось то, что к нему относится.

ОБЩИЙ ОБЗОР

Введение

Одним из сильнейших средств к сближению людей и народов и одним из обильнейших источников к познанию внешней и внутренней жизни каждого народа служат его праздники с относящимися к ним суеверными обрядами, хороводами, песнями и играми. Вместе с первыми верованиями возникши в колыбели человечества, по откровению самой природы, при образовании первого общества, они выражают в себе древний быт народа, климат той страны, где он жил, его понятия об астрономии, естествоведении, нравственности — его верование, историю и поэзию. Как верование проникает целую жизнь народа, то и гражданские постановления и семейные обычаи связуются теснейшим союзом с его мифами и поверьями, с его преданиями и сказаниями, с колыбельными песнями его младенчества, к коему сердце невольно обращается во всех возрастах человека. Народные праздники, торжественно и радостно обнаруживая нравственные и религиозные чувствования, доставляют участникам в оных льготу и наслаждение. Нигде с такой полнотой и свободой не раскрывается личность народная, как в праздниках; нигде столько, как в них, не сближаются люди душою и сердцем. Там укрепляется старое и заводится новое знакомство, там обмениваются мыслями и чувствованиями, там частное делается общим, прошедшее и будущее обращается

в сладостное настоящее: там любимый *простор уму* и *разгул душе*.

Большая часть праздников народных родилась в древнем язычестве, где с богослужебными обрядами соединяемы были судопроизводство и промышленность; от сего где был торг, там суд и расправа. Имея тесную связь с внешней природой и с внутренней жизнью народа, праздники ведут свое начало от его глубокой древности, входят в состав его истории, живописуют его дух и характер, намекают на коренный быт и на основные его идеи. Учрежденные по естественным эпохам года, они объясняются и освящаются мифами народными, кои содержат в себе поверья о божестве, человечестве и природе. Как поэзия жизни народной, они сливаются с символами и иносказаниями, песнею и пляской — языком души и сердца, для всех понятным.

Все народы имеют природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Сам Бог учредил и освятил праздники в народе еврейском для воспоминания своих к нему благодеяний, для возбуждения в нем благоговейных чувствований и для обвеселения сердец в дни покоя и свободы[1]. «Первые праздники у греков, — говорит Аристотель, — ознаменованы были радостью и благодарением. По собрании плодов земных народ сходился в избранные места для жертвоприношений и для веселия, ощущаемого им при изобилии благ земных»[2].

Хотя праздники у всех народов древнего и нового мира имеют общие начала, как бы прирожденные человечеству, однако естественные и нравственные причины различия людей отличают оные по цели и выражению: от сего происходит различие в праздниках у воинственных и мирных племен,

[1] *Calmet A.* Dictionnaire historique, critique, chronologique, géographique et littéral de la Bible. Toulouse, 1783. T. III.

[2] *Aristoteles.* Politica. 2, 7. *Strabo.* Geographica, IX. *Wachsmuth W.* Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staats. T. I. Halle, 1826.

у земледельческих и пастушеских, у диких и просвещенных, у языческих и христианских, у жителей гор и долин, у восточных и северных народов. Вместе с переселением и смешением племен переселяются и смешиваются с другими их поверья и обычаи; от сего в римских праздниках находим следы греческих, в славянских — влияние тех и других, с примесью скандинавских, германских, финских и восточных.

Более или менее явственные останки славяно-русского богоучения в язычестве заметны в поверьях, обрядах и праздниках народных, какие сохранились преданиями и доныне существуют в России и в тех странах Европы, где только прокладывало себе след славянское племя и где звучало его слово. Священные торжества у этого племени, подобно как и у других северных народов, сопровождались мольбами, обетами и жертвоприношениями, гаданием, пением и плясками или играми, общественными пиршествами и взаимными дарами: они служили к утверждению союза и братства, свойственного пастушеским и земледельческим племенам. Сии дни общего веселья, приурочиваясь к временам года, бывали у них днями судов народных и торгов, сроками работ и полюбовных сделок. У поляков gody значит народный увеселительный праздник, пиршество, которое у других славянских племен называется Swatki (святки) и Lato. Русское слово *торжество* происходит от *торга*, сродного со свео-готфским torg. Самое слово *праздник* выражает *упразднение*, свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. *Праздник* есть свободное время, освященное богопочтением, *обряд* — знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом.

Русские народные праздники, по ближайшему отношению к мифам и поверьям, к внутренней истории и древностям народа, составляют часть археологии — эортологию (ἑορτὴ — праздник и λόγος — учение), или учение о праздниках, входящих в состав народного календаря. Различествуя по цели и сущности своей от церковных, христианских празднеств,

древние праздники народа остались от древнего его быта как отечественные обычаи, обратившиеся в игру его жизни[1].

Источником простонародных празднеств и обрядов суть верования и обычаи, кои дают им особенную форму и характер сообразно с местностью. От различия в духе тех и других происходит различие в самих праздниках, какое видим в России, по количеству *великой и малой*, по качеству *белой*, *черной и красной*. Древний летописец изобразил нам несходство нравов и обычаев у старожилов и заморских пришлецов в русском мире[2], у которых были свои верования и обряды, как у племен, впоследствии населивших южную и северо-восточную Россию. Хотя у этих племен, потомков и преемников их открывается некоторое сходство в поверьях и обычаях, однако есть многие местные особенности, о коих гласят и пословицы: *Что город, то норов; Что деревня — то обычай; Что подворье — то поверье*.

С переменой образа жизни и правления, веры и нравов переменялись в существе и виде своем или совершенно уничтожались древние мифы и праздники в русском мире, заменяясь священными, христианскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческим. Ревность пастырей церкви истребляла капища и кумиры отечественных богов, строго запрещая суеверия, кои называли они в посланиях своих *эллинскими*, *латинскими*, *бесовскими*, *дьявольскими*[3]. О подробностях языческой религии умалчивают благочестивые летописцы наши, вероятно чтобы самим напоминанием не подать повода к соблазну соотчичам, еще не утвердившимся в православии. Осуждая внешние языческие обычаи, обряды и поверья, как противные чистоте веры христианской, первые ее проповедники в России — греки не говорили о чуждых се-

---

[1] *Augusti J. C. W.* Die Feste der alten Christen. Leipzig, 1817. Bd. I–IV. Religions de l'antiquité, ouvrage traduit de l'allemand par *F. Creuzer*; refondu en partie, complété et développé par *J. D. Guigniaut*. T. I–III. Paris, 1825. *Voss J. H.* Antisymbolik. Stuttg., 1824.

[2] Летопись Несторова по Лаврентьевскому списку. М., 1824.

[3] Antichità Romantiche d'Italia: sulle feste. Milano, 1829.

бе божествах, в честь коих по привычке совершались оные, и даже после введения христианской веры еще удерживались в народе древние суеверия, с коими он сроднился и не легко мог от них отстать; под видом обычной игры и потехи он уклонялся в дремучие дубравы или клети — совершать тайком заветные обряды. В двухвековое владычество татар над Россией священные уставы церкви, по выражению царя Ивана IV, *поисшаталисъ* и возобновились суеверные обряды, *поганские обычаи, игры, коби бесовские, радуницы, русальи* об Иванове дне и *кудесы*, кои запрещаются Стоглавом и о коих впоследствии предложится объяснение. Из летописи видим, что новгородцы в 1358 году «утвердились между собою крестным целованием, играния бесовского не любиши и бочек не биши»[1]. Кормчая, Номоканон, Стоглав, Духовный Регламент и пастырские послания святителей российских упоминают о разных поверьях язычества, кои из городов переселялись в села и деревни, от высшего сословия народа переходили к низшему. Сколь ни вытеснялись и ни искоренялись старые народные обычаи в век Петра I, однако они пробивались в разных местах и при разных случаях. Что истреблялось в одном месте, то удерживалось в другом. Нередко от древнего языческого богослужения оставались в народе одни принадлежности оного — игра, хоровод, песня, пиршество, заповедное дерево, камень, источник, городище, места прежних *требищ, тризнищ, торжищ*, или сборов праздничных[2]. Но как самородные, коренные мысли народа и признаки древнего его быта и верования открываются и в этих немногих остатках, то из них мы постараемся вывести черты его мифологии как основания праздников народных.

Дунайские славяне, известные византийскому историку Прокопию, VI века по Рождеству Христову, по свидетельству

---

[1] Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г. В 2 ч. М., 1820.

[2] *Болтин И. Н.* Примечание на Историю древней и нынешней России Г. Леклерка. В 2 т. СПб., 1788.

его, «признавали единым Богом и владыкою мира творца молнии; сверх того, почитали реки, нимф и других духов»[1]. Но когда сии славяне расселились и раздробились по северо-восточным странам Европы, то и религиозные понятия их смешались с понятиями тех народов, с коими они сближались; от сего и различие в мифологии славян юго-западных и северо-восточных, у которых единство мысли о божестве, происшедшее от первобытного единства верования, распалось на части и образы. Вероятно, что и религия заморских пришельцев слилась с религией финнов и славян, потому что те и другие находили сходство в божествах своих. Скандинавский *Фіёргунъ* (Fiörgyn), жизнодатель, нечуждым показался славянскому Перуну (*пѣр* — огонь, piorun — молния), оплодотворяющему землю, а *Волос* последних — *Вал-ассу* (*Vali-áss*, Val-ass) первых, как божества, покровительствующие земледелию и скотоводству. Скандинавский *Бел*, или Бал, божество огня и света, сходное с азиатским Балом, и *Тор* громоносный, с млатом в руке (Mjölner — молния?), перешли в *Белбога* и *Чернобога*, означающих двойственность славянской религии, от коей германская различается своей тройственностью; скандинавский *Один*, или *Водин*, вероятно, преобразился в *водяного*[2].

Великий князь Владимир I в язычестве своем, вместе с соединением разных народцев, населявших тогдашнюю Русь, соединил в стольном граде своем Киеве и семь их главных божеств, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждь-бога*, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Кумир первенствующего из них, Перуна, обожаем был и на Днепре, и на Волхове, первый низринут был по введении христианства[3]. В Четьих минеях св. Димитрия описываются следующие, поставленные в Киеве Владимиром божества: «Начальнейший *Перун*, его же вероваху быти грому и молниям и облаком дождевым; вторый *Волос*, мнимый быти

---

[1] *Procopius.* De bello gothico, III, 14. *Helmold.* Chronica Slavorum. T. I. S. 84.

[2] Edda. Havniae, 1828. T. III.

[3] *Строев П. М.* Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. *Tkány A.* Mythologie der alten Teutschen u. Slaven. 2 Th. Znaim, 1827.

бог скотов; третий *Позвизд*, или *Ви́хор*, бог воздуха; четвертый *Ладо*, бог веселия; пятый *Купало*, бог плодов земных; шестый *Колядá*, бог празднования, в зиме бывающего, и инии меньшии боги, не точию в Киеве, но и по всем Российские державы странам»[1]. В большой Макарьевской минее упоминаются только истребленные великим князем Владимиром идолы: *Перун, Хорс, Дажб, Мокошь, Волос*.

Под влиянием христианства народ, забывая наконец своих главных богов, припоминал только второстепенных, и особенно мифы физические, кои имеют предметом олицетворенные явления и силы естества, или символы житейских потребностей, каковы: *Ярило, Купало, Лад, Чур, Авсень*, или *Таусень, Зничь, веснянки, осенянки* и *зимнянки, водяны*, или *водяные, моряны, огняны*, известные и карпа-тороссам, *ветряны*, также *русалки*[2], *кикиморы, карачуны, Яга-баба* и *ведьмы*. По мнению народа, в лесах владычествовал *леший*, в полях *полевой*, в домах *дедушка домовой*, который бывал и *постенем*, а в подпольях *лизуном*. Все сии существа мифические более или менее входят в семейный быт простого народа, содействуют или противодействуют ему в жизни, ублажаются жертвами или изгоняются заклинаниями и особенными обрядами[3], из коих многие недавно истребились. Только в 1765 году уничтожен Тихоном I в Воронеже, в 1771 году в Костроме Симоном, а в Твери Мефодием в 1805 году праздник в честь *Ярила*, нашего Ерота и Лингама[4], который, по словам иерарха, в тех странах почитаем был за бога до введения христианской веры: Ярилу представлял избранный от мира человек, которого перед заговеньем Петрова поста обвязывали всякими цветами, лентами и колокольчиками и, надев на голову высокий колпак

[1] *Четьи минеи*, июля 15, житие великого князя Владимира.

[2] По свидетельству Татищева, св. Димитрий Ростовский написал о *русалках* пространное сочинение, которое он у него сам видел.

[3] *Успенский Г.* Опыт повествования о древностях русских, 2 ч. Харьков, 1818.

[4] Описание жизни и подвигов преосв. Тихона, изд. 2. М., 1820.

с лентами, водили с плясками по площади. Такое же почти празднество бывало в селениях Рязанской и Тамбовской губерний.

Хотя *Лады* Нарушевич не находит ни в литовской мифологии, ни у германских славян, но у одних русских, у которых Ладо вспоминается в следующей пословице: *Не надобно и клад, коли у мужа с женою лад*[1], однако в экземпляре Кромеровой истории, хранящемся в Рижской публичной библиотеке, написано старинным почерком следующее: «И в наше время литовцы, равно как летты и кури, призывают Ледо или Ладо около Иванова дня. Тогда, по старинному суеверию, украшают они цветами и древесными листьями источники и собирают травы, кои почитают полезными от всякой болезни». Ладо у карпато-россов празднуется в день Купалы. Наш *Лад* и *Ладо*, как купа, сходны с римскими *Яном* и *Яною* (Deiva Jana), богом солнца и богиней луны, воспеваемыми в Салийских песнях. Хотя Карамзин и говорит, будто неизвестно ни одной старинной песни, где бы воспевалось имя Купала[2], но мы представим довольно таких песен. *Купало* и *Купальница*, как увидим, известны почти во всей России.

Сколько в России есть урочищ, запечатленных именами языческих богов и служащих местом для игрищ! *Перун* есть урочище в Новгородской губернии, в Устюженском уезде; *Перунина пустыня* — в Весьегонском уезде на ручье Задворевском; *Перуново*, или *Ладовичино*, — в Ржевском уезде; *Перунов* — в Полоцком повете; *Перунова рень* — в Киеве. Воспоминание о *Волосе* сохранилось в *Волосовой улице*, или *Волосове*, в Новгороде и в суеверных обрядах *Опахиванья*, или *коровьей смерти*. *Тур* часто повторяется в названиях рек, гор, селений *Туровых, Туровских*. По Троицкой дороге, близ Воздвиженско-

[1] Известный припев: *ай дидо ладо* не состоит ли из греческого слова δείδω — *дидо*, боюсь, и *ладо* — мужа, что подтверждается смыслом песни.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I, прим. 208. Сходство есть с лат. copula — союз, купа.

го, есть городец *Белые боги*, ныне *Бельский стан*, или *Белухинская роща* (кортома́), где, по старому преданию, на высоком холме стояла дубрава заповедная, а в ней было капище. *Ярилом* слывет ярмарка в Оренбургской губернии, а *купальницей* — в Переславле-Залесском, где, подобно как в Ростове в XII веке, при царе Василии Шуйском существовал камень (Волос, вероятно), в честь коего совершалось празднество 19 июня[1]. Подобно древним народам мира, у славян огромные камни были предметами обожания: следы сего доныне сохранились суеверием. Недалеко от Москвы, близ села Архангельского, в лесу находится яма, которую почитают местом идола *Тучева*, вероятно аэролита, упавшего из *тучи*. В описании древних городов русских, дальних и ближних, упоминается *Корочунов камень*[2]. В Тульской губернии в Одоевском уезде у простолюдинов находятся в великом уважении два больших камня: *Баш* и *Башиха*, подобно черемисскому Чембулатке; на Ладожском озере, на острове Коневце, лежит в лесу *Конь-камень*, коему в XV веке ежегодно приносили в жертву коня[3], а в Ефремовском уезде на берегу Красивой Мечи вокруг *Коня-камня* совершается опахиванье во время скотского падежа. Доселе еще не истребилось в простом народе особенное почтение к некоторым *колодезям* или *студенцам* и *озерам*, коим, по свидетельству летописей наших, он приносил требы и там совершал гадания и омовения, также древним *дупловатым деревьям*, особенно *дубам*, кои и в Северной Германии почитались священными даже по водворении христианства.

Вообще все, что сохранилось в народе преданием от древнего богоучения, более и более принимало форму простого суеверия и, теряя коренное свое значение, присоединялось к христианским праздникам и обрядам в виде старого обычая

---

[1] Рукописное житие преп. Иринарха Ростовского.

[2] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IV, прим. 387.

[3] *Амвросий (Орнатский).* История Российской иерархии. М., 1812. Ч. IV. С. 627.

и поверья; нередко невежество и закоснелая привычка смешивали давно знакомые им принадлежности языческих божеств с христианскими святыми, с торжествами церкви — обряды капищ идольских, на месте коих большей частью сооружены первые церкви или часовни, какие находятся в Киеве, Новгороде и т. д. Невозможно было искоренить одним разом то, с чем свыклась душа и что поддерживало самобытность народа, который старался удержать празднества и поверья своей древности потому еще, что они соединены были с различными играми и увеселениями. Константин Великий, уже по введении христианской веры в империи, не запретил продолжать древние обычаи, в постановлении своем касательно оных. Великий князь Владимир I, уже просвещенный Евангелием, допускал некоторые обычаи старинные — живяше по устроению дедню и отчу[1]. Из снисхождения к закоснелым суевериям и простоте ума народа проповедники христианской веры, желая ослабить языческие суеверия, терпели их между самими христианами[2], у которых унижались оные превращением в потехи и увеселения; они переводили имена отечественных богов народа на имена святых, и чем прежде в его быту заведовали первые, тем впоследствии стали заведовать другие: от сего, вероятно, произошли прозвания святым, заимствованные от стихий, климата, времен года, от предметов домашнего быта и сельских трудов, например: *Борис* и *Глеб*, в Белоруссии — *черный* и *белый хлеб*, по всей России *Илья-пророк*, представитель грома, заступивший место *Перуна*[3], св. Иеремия-*запрягальник*, св. Феодосия-*колосяница*, св. Агриппина-*купальница* и т. д. св. Власий заменил низверженного *Волоса*, бога скота, о котором доныне напоминает праздник *Вел-окс*, отправляемый мордвою, потомками ростовской мери; *Богдан* заместил *Даждь-бога*. И наоборот, иногда христиан-

[1] *Розенкампф Г. А.* Обозрение Кормчей книги в ее историческом виде. М., 1829.

[2] Вестник Европы. 1826. № 4.

[3] *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. 1834. Кн. 4.

ским святым невежество черни придавало вид кумиров своего язычества: так св. Крестителя Иоанна оно обратило в *Купалу*, св. Вита на острове Рюген, по свидетельству Гельмольда, в *Световида* на белом коне, или святого витязя, которого смешивали со св. Георгием[1]; даже святые иконы называли *богами* и святые церкви *божницами*. Поморяне в 1124 году изъявляли желание поклоняться и старым божкам своим, и вместе Иисусу Христу; в старинных песнях русских Троица и Богородица воспеваются вместе с Ладо. Потом собственные имена богов переходили в нарицательные, подобно как они прежде из нарицательных сделались собственными, отличая предметы чувственные, их действия и свойства, например: *Перун, Погода, Лад, Чур* и т. д. Возбужденное благоговением к христовой вере омерзение к древнему идолопоклонству превращало имена богов в ругательства: *Тора* — в *черта*, в немецкого Thor — болвана, дурака, сходного с Черемисским чертом; *Бу-га*, или *Бука*, — в пугалища; кумиры богов — в *болваны* и *чурбаны*[2], также самых божичей, не упоминая их настоящие имена, просто называли *бесами*.

Чествовать предметы своего благоговения праздниками сродно человеку, для которого верование заключает в себе протекшее и будущее, божество и мир духовный, природу и его самого. В его праздниках выражаются его обеты, надежды и воспоминания собственного прошедшего, которое для него становится кумиром. С истреблением внешнего идолослужения, при введении веры христианской в Россию понятия тогда преобладавшего язычества, внедрясь в дух и быт народа, проявлялись в древних праздниках его и поверьях, даже христианские торжества Церкви получали названия языческих, как, например, *русальская неделя, Купало, Радуница*. Но праздники церковные и народные по духу и цели своей различны,

[1] *Cramer D.* Das Große Pomrische Kirchen Chronicon. Stettin, 1603.

[2] У исландцев Púki, у шведов Puke, у англичан Puck, встречающийся у Шекспира.

хотя суеверие и невежество примешивают одни к другим. Церковные праздники, кои свидетельствуют об истине событий, составляющих сущность веры христианской, представляют разительную противоположность с древними языческими, простонародными, ибо одни, как живые уроки об истинах евангельских, введены Церковью для возбуждения в нас благоговения и благодарности к Богу[1], а другие, созданные свободной фантазией народа во тьме язычества, имеют отношение и приложение к древнему его быту, жизни и как поэтическое выражение оных. У первых предметом духовность, у других — более чувственность: одни возбуждают благоговейные и высокие ощущения, а другие обращаются в веселие и забаву, каким предается народ по естественному влечению поврежденного человечества и по укоренившейся привычке. Хотя последние иногда совпадают с днями первых, но мы будем рассматривать отдельно *простонародные праздники русских славян* как остатки языческих от христианских торжеств, подчиняя первые, сколько возможно, условиям *времени и места*.

1. В первом отношении они *древние* и *новые*: одни образованные в язычестве и удержавшиеся в христианстве до XVIII века, а другие — с XVIII века до наших времен.

Неизвестно, как славяне жили в диком и грубом состоянии — сперва родами, потом и племенами; праздники их климата и духа, вероятно, начинаются вместе с удовлетворением главных потребностей жизни, вытекают из общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаем с хронологической точностью установления религиозных торжеств, кои древнее житейских; праздники, происходящие от разных занятий в году, у славян русских появились позднее, чем у славян западных, ибо в русской земле, по суровому климату и местности, жили единообразно; начало их праздников с ве-

[1] *Иннокентий Херсонский (Борисов)*. О великих Господских и Богородичных праздниках. Киев, 1835.

роятностью отнести можно не далее как к VII или VIII веку по Рождеству Христову.

Праздники с жертвоприношениями были главной принадлежностью древнего богослужения у славян, как у народов Древнего мира; жрецы, которые ведали летоисчисление и времена праздников в честь разных божеств, назначали метанием жребия торжества и жертвоприношения, на кои стекались мужи и жены с детьми[1]. У народцев, населявших Север наш, в самой древности существовали *игрища межу селу*, на коих они брали себе жен, и *Тризна* над мертвецом; отечественные писатели наши, упоминая о сходбищах на игрища, на плясанье, пение, на борьбу и битвы дрекольем, кои бывали в божественные праздники, умалчивают о том, в честь каких божеств совершались сии позорища. С точностью нельзя сказать, чтобы существовали на нашем Севере храмы и капища богов и божницы, из коих упоминается в летописи одна *Турова божница*[2]. Вероятнее, что местами богослужений были городищи, камни жертвенные, берега рек и озер, мосты, горы и дубравы священные, кои у германских племен были также местами суда и расправы, а жрецы их судьями.

В приписанном великому князю Владимиру уставе, впрочем важном для нас по своей древности, упоминаются обряды и поверья язычества, как то: «о моленье под овином и рощею или у воды, чародеянии, волховании» и т. д. Преп. Нестор, близкий ко временам язычества в России, свидетельствует, что еще при нем «схожахуся на игрища и на плясанье, и на вся бесовская игрища. Видим бо игрища утолоченна и людий много множество, яко упихати начнут друг друга, позорища деюще от беса замышленнаго дела». Сходное с этим упоминается в Кормчей книге (гл. 17). Русский переводчик св. Григория Богослова в XI веке вставил от себя в тексте следующее замечание, касающееся суеверий его отечества: «Ов

[1] *Krantz A.* Saxonia. Francof., 1621.

[2] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. I.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СНЕГИРЕВ

РУССКИЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ И СУЕВЕРНЫЕ ОБРЯДЫ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.10.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MTH-41025-01-R